

32. Шелер М. Положение человека в Космосе (пер. А. Филиппова) // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31—95.
33. Ярлыкяпов А. А. Роль ислама в формировании экономического сознания и поведения мусульман // Культура и экономическое поведение / под ред. М. Н. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 330—346.

УДК 321.01

ББК 66.01

Д. Г. Смирнов

ОБРАЗ РУССКОГО МЕДВЕДЯ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОСЕМИОТИКИ: ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ

Статья посвящена анализу когнитивно-семиотических аспектов бытования образа Русского медведя в системе современной отечественной символической политики. Определены предметное поле и структура политической экосемиотики, представлена ее теоретико-методологическая новизна. Очерчены координаты экосистемы образов политической семиосферы России, включающей фито-, зоо- и антропообразы. Выявлены формы и способы маркирования медвежести, раскрыта специфика медвежьей метафоры как зооморфного символа, зафиксированы его преимущества как генерализирующего образа-концепта для общественного сознания, определены его место и роль в сфере политического производства. Предложено понимание образа Русского медведя как динамической суммы значений и ценностей, как базового кода объяснительной модели семиотики современных международных отношений.

Ключевые слова: образ Медведя, медвежья метафора, символическая политика, политическая экосемиотика, семиотика международных отношений, базовый семиотический код.

D. G. Smirnov

IMAGE OF RUSSIAN BEAR IN THE SYSTEM OF RUSSIAN ECOSEMOTICS: FIRST APPROXIMATION

The article is devoted to the analysis of the cognitive-semiotic aspects of the Russian bear image existence in the system of modern Russian symbolic politics. The subject field and structure of political eco-semiotics are determined, its theoretical and methodological novelty is presented. The coordinates of the images ecosystem of the political semiosphere of Russia, including phyto-, zoo-, and anthropo-images, are outlined. The forms and methods of marking the bearishness are revealed, the specificity of the bear metaphor as a zoomorphic symbol is revealed, its advantages as a generalizing image-concept for public consciousness are recorded,

© Смирнов Д. Г., 2020

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00748 «“Русский медведь” в современной символической политике: российский и западный контексты».

its place and role in the sphere of political production are determined. An understanding of the Russian bear image as a dynamic sum of meanings and values, as well as a basic code of the explanatory model of the semiotics of modern international relations is proposed.

Key words: bear image, bear metaphor, symbolic politics, political eco-semiotics, semiotics of international relations, basic semiotic code.

Вместо введения. Пространство современной российской символической политики насыщено как в плане форм, способов, инструментов, так и в плане содержания — образов, символов, смыслов. Семиосфера современной России «во многом носит пестрый мозаичный характер» [3, с. 170]. Этот своеобразный «семиотический хаос», как показывает С. А. Сукало, во многом обусловлен «наличием противоречивых и, в определенной части, неадекватных реалиям сегодняшнего дня доктринальных интерпретаций концептов, определяющих поле актуальных проблем российского общества» [9, с. 91]. Причины подобной противоречивости, с нашей точки зрения, лежат в плоскости семиотических процессов, протекающих в современном политическом пространстве.

Вместе с тем в последние годы в отечественной символической политике обозначилась тенденция к самоорганизации пространства метафор и аллегорий, которая, как нам видится, связана с медленным, но верным формированием «символьных комплексов, способствующих целостности государства и позитивному развитию общества» при условии «развития жизненных сфер, символов-добродетелей, институтов символотворчества, связывающих знаки жизненных сфер с национальной идеей, государственными символами» [2, с. 29]. Символическая политика оказывается на пути формирования системы координат нациосферы, в которой каждый знаковый элемент выполняет отведенную ему функцию.

В центре нашего внимания — медвежья метафора (образ Русского медведя) в системе российской экосемиотики. Цель — в первом приближении определить место и роль символа Медведя [5; 10; 7; 19] в экосистеме политических образов современной России, к устойчивым концептам которой традиционно относят «березу», «топор», «икону», «матрешку», «Байкал»; материнский символ (Родина-Мать); образы «царя-батюшки», Великой Отечественной войны, Победы, тройки¹; а также персонификации как ее символа В. В. Путина, А. В. Суворова. Насыщенное «нарративное прошлое» образа Русского медведя влияет на символическую политику настоящего, что определяет актуальность рассмотрения и фьючерного потенциала медвежьей метафоры [6].

Русский медведь в семиотической системе политики России. Многообразие политических метафор-образов укладывается в определенный спектр, который составляют по крайней мере три блока — предметный (сигнальный), образный (символьный) и личностный (знаковый). Представление об иерархии дискурса символической политики заставляет расположить названные выше блоки в определенной последовательности в зависимости от их системной значимости: предметный (сигнальный) — личностный (знаковый) — образный (символьный). Принцип «чем богаче содержание, разнообразнее валентность и системная значимость символа, тем более предсказуемой

---

¹ В этом контексте интерес представляет опыт репрезентации семиосферы России рубежа XX—XXI веков через систему равноуровневых образов-концептов, представленная в книге «Россия. Незавершенный проект» [12].

и последовательной является реакция на него» (см.: [4, с. 137—143]) делает блок символьных концептов наиболее предпочтительным для целей символической политики.

Предметный (сигнальный) блок как раз характеризуется потенциальной дискретностью знаков в контексте символической политики: основная задача такого рода знаков скорее маркировать определенный субъект политического дискурса через ту или иную характерную черту, нежели репрезентовать (раскрывать) его сущность. Личностный (знаковый) блок завязан на фрактальной репрезентации одного субъекта политического дискурса через другой субъект политического дискурса. Образный (символьный) блок ориентирован на образы когнитивно и аффективно воспринимаемые, понимаемые и принимаемые, которые и задают символьные комплексы, то есть связывают «знаки и ценности разных уровней... образуя иерархию, восходящую к концепциям национальной истории» [2, с. 24].

Еще в 1970-е С. Браун и Дж. Эллиторп обратили внимание на специфику политических символов: «люди с разными взглядами прибегают к одним и тем же побуждающим объектам (символам)... но для достижения разных целей, которые были сформированы в результате разного жизненного опыта». Причина такого положения дел видится в том, что «члены общества выбирают один какой-то объект, но при этом каждый человек рассматривает те его характеристики, которые являются наиболее интересными, привлекательными для него» [13, р. 363]. Таким образом, наиболее эвристичными в рамках символической политики оказываются те символы и метафоры, которые отсылают к спектру свойств (характеристик). Это позволяет данному конкретному образу не только работать в разных когнитивных режимах², но и благодаря своей полифоничности взаимодействовать с другими элементами семиотического пространства, выступая для них концептом как системообразующим свойством.

Образ Медведя, учитывая сказанное выше, оказывается универсальным символом. План выражения этой метафоры очевиден и аффективно понятен, в то время как план содержания предполагает целый спектр значений и смыслов. Этим, вероятно, объясняется рост популярности образа Медведя (Русского медведя) как символа России среди населения страны³, ибо он позволяет рассматривать его характеристики дискретно, выбирая те, которые являются наиболее интересными, привлекательными для познающего субъекта, отражающими его персональную картину мира. Благодаря своей семиогеничности образ Медведя органично соединяется практически со всеми

---

² Сигнальный режим работает только применительно к настоящему; ему для генерации физического или ментального действия не требуется ни прошлое, ни будущее, ибо для него их уже и еще нет. Знак (знаковый режим) прокидывает причинно-следственный мостик от настоящего к будущему, но его валидность оказывается вероятностной, ибо не учитывает прошлое состояние «системы». Символ (символьный режим) наиболее адекватен с точки зрения реализации символической политики, ибо он формирует устойчивую причинно-следственную связь между различными темпоральными измерениями образа, позволяя его читать безотносительно пространства и времени.

³ См. всероссийский опрос ФОМ (24 ноября 2019 г., 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов; статпогрешность не превышает 3,6 %), где на вопрос «Россию нередко ассоциируют с медведем, этот образ часто используют в качестве символа нашей страны. А как вы считаете, медведь — это правильный, подходящий символ для России или неправильный, неподходящий?» 65 % респондентов ответили, что правильный.

символами современной отечественной политической экосистемы, в известном смысле преодолевая тезис Г. Сейнт-Мартина [20] и Р. Идэма о том, что «каждая семиотика имеет свои специфические (системные) ограничения и (материальные) способы выражения» (*each semiotic has its own specific (systemic) constraints and (material) affordances*) [17, p. 47].

Политическая экосемиотика. Многообразие символов отечественной семиосферы позволяет говорить о наличии в ее структуре подсистем не только в когнитивном плане (о чем речь пойдет несколько позже), но и в субстратном (элементарном). Иными словами, целесообразно рассмотреть экосистему современной семиополитики, проанализировав, какие «семиотические» цепи в ней функционируют, какие символьные ниши занимают конкретными знаками, в какие отношения вступают между собой популяции и виды политических знаков.

Предметное поле. Парадигма экосемиотики во многом вырастает в недрах эколлингвистики, предметом которой являются «взаимодействия между... языком и его окружением, где под окружением понимается общество, использующее язык как один из своих кодов» [16, p. 325]. Для нас важна исследовательская интенция, утверждающая язык в качестве «символической экосистемы» (см., напр.: [21]), где придание смысла не может быть сокращено до синтаксических или лексических конструкций [22], а метафоры рассматриваются не как замкнутые и существующие только для самих себя семиотические единицы, а как система структур, взаимодействующих с окружающим миром (см.: [15, p. 91—118]). Широко трактуемая экосемиотика рассматривает мир метафор, образов, символов с точки зрения «экологичности» для человека и общества, исследует их роль в описании проблем окружающего мира (ср.: [14, 11]).

Структура политической экосемиотики. Символическая политика предстает не только как мир людей, но и как «мир растений» и «мир животных» [1]. В отечественной политической семиосфере отчетливо выделяются фито-, зоо- и антропометафоры⁴, расположенные не только в логике «от простого к сложному», но в зависимости от частоты использования. Животная метафора занимает срединное место в системе политической семиотики: образ животного сочетает аффективные и когнитивные черты, тогда как фитообразы когнитивно и эмоционально нейтральны, а антропологическая семиотика преимущественно рациональна.

Медведь в пантеоне «политических животных» (не в аристотелевском смысле) — панда, лев, орел, слон, страус, обезьяна, собака, петух, курица, дракон, кот, белка, «грызуны», рыба и т. д. — более всего близок человеку: он в известном смысле «прямоходящий», более внятен в своих намерениях. Образ Медведя (Русского медведя), который в России больше, чем просто медведь, занимает здесь особое место. Медведь — это персонаж, который в отличие от растений действует, но в отличие от человека не говорит. Думается, именно в этом его конкурентное преимущество в системе политических символов современной России. Ассоциирование себя или релевантной общности с образом Медведя со всеми его многочисленными характеристиками приносит аффективно-когнитивное (страстное) удовлетворение — удовольствие

---

⁴ Актуализация научной проблематики искусственного интеллекта откликается в символической политике появлением роботизированных метафор, которые медленно, но верно конституируются в политической семиосфере.

от осознания своей уникальной идентичности, что во многом перекрывает собственно политический эффект

Образ Медведя: когнитивно-семиотическая специфика. Образ Медведя — амбивалентный: его план содержания (при относительной общности плана выражения) раскрывается преимущественно через бинарные оппозиции: стремительный / медлительный, глупый / находчивый, злой / добрый, агрессор / защитник и т. д. Для актуализации его значения используются экосемиотические средства, т. е. он помещается в определенную среду, позволяющую адекватно подобрать код для интерпретации. В данном случае именно семиотическая среда, или — шире — семиотическая ситуация, задает ориентиры и координаты интерпретации этого ключевого символа.

Метафора Медведя за счет функционирования в различных когнитивных режимах помимо сигнальной функции (маркирования России со всеми ее релевантными коннотациями) задает конкретное значение и предполагает определенный смысл. При этом если значение может быть считано непосредственно исходя из семиотической ситуации (карикатуры, художественного сюжета), то смысл извлекается с учетом как раз окружающей среды (других семиотических ситуаций). Если значение ориентирует познающего субъекта на дискретность восприятия, то смысл принципиально континуален, что обуславливается спецификой символа как типа знака.

Универсальность медвежьей метафоры позволяет ей конструировать не только отдельные (гео)политические кейсы, связанные с конкретными историческими событиями, но и визуализировать / концептуализировать картину мира. Политическая экосемиотика позволяет рассматривать мир метафор, образов, символов с точки зрения «экологичности» (сочетаемости смыслов) для системы международных отношений, ее конструирования и смысловой динамики. Политическая экосистема как отражение реальных международных отношений имеет аналогичные трофические цепи, отношения симбиоза, мутуализма, паразитизма и т. п.

Медвежесть: формы и способы маркирования. «Русская медвежесть» в современном политическом дискурсе маркируется двумя различными способами. Можно отчетливо зафиксировать лого-лингвистическую традицию, где маркирование осуществляется при помощи языка (надписи, имени), и сигнально-семиотическую линию, где маркирование происходит при помощи визуальных знаков. Второй вариант более полисемантичен, поскольку раскодирование сигнально-знакового ряда может быть неоднозначным в силу разотождественности тезаурусов адресанта и адресата послания. Вместе с тем именно он наиболее органичен: пересечение лого-лингвистических маркеров с сигнально-семиотическими провоцирует наложение смыслов друг на друга, что не может не сказаться на результате интерпретации (понимания), приводя к разным версиям когнитивного диссонанса.

С сюжетной точки зрения (точки зрения семиотической ситуации) можно вести речь по крайней мере о трех формах репрезентации медвежьей метафоры — монистической, дуалистической и плюралистической. В монистической модели Медведь присутствует сам по себе, как «медведь-для-себя». Этот вариант исходно субстратен, то есть ориентирован непосредственно на Медведя как предмет (элемент) с его существенными и несущественными свойствами. Когнитивным ориентиром в этом дискурсе оказывается сигнал (сигнализация). В дуалистической модели (не обязательно предполагающей двух действующих лиц) Медведь «изображается» в отношении с Другим, выступает

как «медведь-для-других». Здесь перед нами релятивный вариант, поскольку он демонстрирует различные варианты отношений, характерных для релевантной семиотической ситуации. Обратим внимание, что фокус внимания в этом случае переносится на отношения, при этом определенные качества (свойства) не эксплицируются и не считаются в процессе интерпретации. Когнитивным ориентиром таким образом оказывается значение. Плюралистическая модель задает «потребную» картину мира, где Медведь показан в отношении с Другими как «медведь-для-всех». Этот вариант вполне можно обозначить как атрибутивный: его отличие от первого и второго вариантов заключается в том, что здесь качества Медведя «неабсолютные», а ставятся в зависимость не только от семиотической ситуации, но и от семиотической среды в целом.

Новизна современной политической экосемиотики (инвайронментальной семиотики), на наш взгляд, связана с применением системно-синергетического подхода. Системный подход предполагает, что политическая экосемиотика предстает в виде наполненной элементами структуры, которая оформляется системообразующим свойством, выраженным в виде генерализирующего образа. Этот образ «заставляет» другие семиотические элементы занимать соответствующие позиции (которые, возможно, до этого не были им свойственны), вступать в новые отношения. Как мы постарались показать выше, медвежья метафора постепенно начинает играть в российском общественном сознании именно роль генерализирующего символа, реструктурируя сложившуюся семиотическую экосистему. Синергетический подход позволяет зафиксировать объективные и субъективные факторы, благодаря которым конкретный символ занимает место генерализирующего, внешние воздействия, которые приводят к семиотическим флуктуациям (отклонениям в использовании конкретного символа в рамках символических практик).

Вместо заключения. Символическая экосистема политики современной России представляет собой конгломерат спорадических символов и символьных комплексов. Фактически она находится в состоянии семиотической диссипации, которая нарастает по причине размытости концепта (системообразующего свойства) политической семиосферы. Рабочая гипотеза такова: политическая система, нагруженная (перегруженная) живыми и мертвыми метафорами, подошла к точке семиотической бифуркации, за которой — новая символическая сборка с ориентацией на новый концепт, исторически и ментально закрепленный, а значит когнитивно и аффективно мощный. Этим ресурсом обладает как раз медвежья метафора: Русский медведь, зарекомендовавший себя эффективным символическим пограничником [8], оказывается в дискурсе мировой политики не просто «вещью», а динамической суммой значений и ценностей, меняющихся в зависимости от тезауруса международных отношений — символом России [6]. Благодаря этому «качественному спектру» значений и смыслов Russian Bear отвечает требованиям образа-концепта (базового кода) объяснительной модели семиотики современных международных отношений. Используя терминологию Э. Лаклау и Ш. Муффа, он задает фундаментальные координаты превращения «элемента» как неартикулируемого означающего в «момент» как артикулируемое означающее (ср. [18, p. 105]).

Список литературы

1. *Вершинина Т. С.* Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
2. *Катицын В. М.* Символьные комплексы: роль в институционализации и легитимации национальных интересов // *Пространство и Время*. 2013. № 3 (13). С. 20—30.
3. *Кирсанова Н. П.* Символические основы российской политики // *Проблемы современной науки*. 2013. № 7—2. С. 164—170.
4. *Кобб Р. У., Элдер Ч.* Использование символов в политике // *Политическая лингвистика*. 2009. № 29. С. 131—145.
5. *Махмутова Л. Ф., Ушакова Н. В.* Медведь как символ России и как политический образ на западе // *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. 2012. № 10-1. С. 109—115.
6. «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М.: НЛЮ, 2012. 368 с.
7. *Рябов О. В.* Охота на медведя: О роли символов в политической борьбе // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 1. С. 195—211.
8. *Рябов О. В., Константинова М. А.* «Русский медведь» как символический пограничник // *Труды Карельского научного центра Российской академии наук*. 2011. № 6. С. 114—123.
9. *Сукало С. А.* Символические измерения политических концептов современных российских парламентских партий (на примере партийных программ) // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. № 5 (133). С. 87—92.
10. *Сухарева Т. Е.* Медведь — символ России. Опыт проекта // *Начальная школа*. 2009. № 5. С. 57—61.
11. *Суховерхов А. В.* Экологический подход в исследовании языка, коммуникации и познания // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2013. № 4 (24). С. 48—54.
12. *Тимофеев М. Ю.* Россия. Незавершенный проект: Ключевые понятия, образы, символы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. 200 с.
13. *Brown S., Ellithorp J.* Emotional experiences in political groups: the case of the McCarthy phenomenon // *American Political Science Review*. 1970. 64 (June). P. 349—366.
14. *Halliday M. A. K.* *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler*. L.; N. Y.: Continuum, 2001. P. 175—202.
15. *Harre R.* *Greenspeak. A Study of Environmental Discourse / R. Harre, J. Brockmeier, P. Mühlhäusler*. L.; New Delhi: Thousand Oaks, 1999. 224 с.
16. *Haugen E.* *The Ecology of Language // Haugen. E. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen / Selected and Introduced by Anwar S. Dil*. Stanford. California: Stanford University Press, 1972. 366 p.
17. *Iedema R.* Resemiotization // *Semiotica*. 2001. #137. P. 23—39.
18. *Laclau E., Mouffe C.* *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. L.; N. Y.: Verso, 2001. 198 p.
19. *Lazari de A., Riabov O. V., Zakowska M.* The Russian Bear and the Revolution: the Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917—1918 // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2019. Т. 9. № 2. С. 325—345.
20. *Saint-Martin F.* Visual and Verbal Semantics // *Sebeok T. A. and Umiker-Sebeok J. (eds) Advances in Visual Semiotics: The Semiotic Web 1992—93*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 375—401.
21. *Steffensen S. V., Fill A.* Ecolinguistics: the state of the art and future horizons // *Language Sciences*. 2014. Vol. 41. P. 6—25.
22. *Lier L. van* *The ecology and semiotics of language learning: A sociocultural perspective*. Boston: Springer, 2004. 248 p.